

Литература

1. Флоренский, П. Иконостас / П. Флоренский - [Электронный ресурс]

СЕКЦИЯ 3. Евразийское экономическое пространство в системе международного разделения труда

Солодовников С. Ю. Новый объект экономической науки и проблема ее самоидентификации в Республике Беларусь

Сегодня как никогда актуальна проблема самоидентификации белорусской экономической науки, выработка ее идеологической базы. По моему глубокому убеждению без однозначного ответа на вопрос о том, какая философия хозяйствования должна быть положена в основу тех или иных теоретических построений, во имя чего мы все работаем, нельзя теоретически обосновать белорусскую экономическую модель, превратив экономическую науку в серьезное подспорье в определении направлений, форм и инструментов модернизации народного хозяйства. У нас в стране, по прежнему сохраняется по своему парадоксальная ситуация, когда большинство населения (а это подтвердили и последние выборы Президента Республики Беларусь) выступает на социальное и экономически сильное государство, за преемственность проводимой социально-экономической политики, а социально-научное сообщество так до сих пор и не сумело внутри себя выработать единые методологические подходы к пониманию белорусской философии хозяйствования. Сразу же отмечу, что единые методологические подходы не означают унификации мышления. Единообразие во взглядах пагубно сказывается на развитии любой науки. Вместе с тем без соблюдения общепринятых общенаучных принципов наука перестает быть наукой, а превращается в набор умозрительных суждений.

Во время Второй Мировой войны и сразу после нее на островах Тихого океана распространился культ карго. На эти острова для снабжения воюющей американской армии военно-транспортной авиацией было десантировано огромное количество грузов. Это

внесло коренные изменения в жизнь островитян, поскольку огромное количество промышленных товаров (одежда, обувь, консервы, палатки, оружие и т.д.) тем или иным путем попадали к туземцам. Когда в конце войны воздушные базы были заброшены, а груз («карго») больше не прибывал, туземцы не захотели мириться с резким снижением уровня и качества потребления, к которому к тому времени уже привыкли. Опираясь на свои представления о происхождении материального богатства и жизненный опыт островитяне начали предпринимать действия для того, чтобы получить товары и увидеть падающие парашюты, прилетающие самолёты. Каковы же были эти действия? Разумеется самые очевидные. С точки зрения аборигенов. Они построили в натуральную величину из дерева и травы взлетно-посадочные полосы, контрольно-диспетчерские вышки, разводили костры и прикладывали к ушам наушники из дерева, призывая груз («карго») и прикладывали их к ушам, находясь в построенных из дерева контрольно-диспетчерских вышках. Но божественные самолеты не прилетали, и грузы с неба не падали. Тогда туземцы, проявив последовательность достойную лучшего применения, полностью отказались от своих прежних религиозных воззрений, существовавших до войны, и стали более тщательно поклоняться аэродромам и самолётам. Со временем распространение культа карго сократилось, но некоторые аборигены жду божественных товаров и сегодня, продолжая поклоняться деревянным самолетам и посадочным полосам. Смешно? Да не очень, поскольку если заменить термин «карго» на «саморегулирующийся рынок», а полуголого жреца - на либерально мыслящего интеллектуала рыночника, а острова Тихого океана на постсоветское пространство 90-х и 00-х годов, то становится не до смеха. Поскольку если в первом случае «члены культа обычно не понимают в полной мере значимость производства или коммерции. Их понятия о современном обществе, религии и экономике могут быть частичными и фрагментарными» [1], то во втором наблюдается то же самое упрощенное представление о процессах происходящих в современной рыночной и пострыночной экономике.

Очень похожая ситуация наблюдается сегодня и в экономической науке, когда некоторая часть научного сообщества убеждена в том, что применение тех или иных экономических

теорий и практик, доказавших свою состоятельность 20, 30, 50 и более лет тому назад, позволит решить сегодняшние не простые проблемы. При этом не так уж и важно, что именно предлагается взять за основу – кейнсианские механизмы преодоления экономического кризиса, ордолиберальную политику ФРГ или экономические реформы Г.К. Орджоникидзе и А.Н. Косыгина в СССР. Важно то, что все эти экономические инструменты были эффективны лишь в свое время, в уникальном цивилизационном и историческом контексте. Но время, прошедшие десятилетия, а иногда и века, за счет абберации дальности естественным образом упростили наше представление о давно прошедших реформах, превратив их из живого, постоянно меняющегося процесса в мертвую схему. В результате, как метко заметил в свое время А. А. Галич: «Сложные проблемы всегда имеют простые, легкие для понимания неправильные решения». А мировая и национальная экономика – это живые и очень быстро эволюционирующие системы.

В настоящее время в различного рода литературных источниках и электронных СМИ происходит лавинообразный рост диаметрально противоположных суждений как о перспективах развития мировой и национальных экономик, так и о том, какие формы хозяйственного регулирования экономически эффективны. В результате терминологической путаницы, отсутствия категориальной определенности, в последние десятилетия в мире наблюдается увеличение отрыва экономических практик от их теоретического осмысления. Конечно, экономической науке не следует забегать вперед с поспешными прогнозами, как и отставать от требований времени, чтобы грядущие события не оказались неожиданными. Поэтому, уже сегодня возникает насущная необходимость выявить и спрогнозировать те процессы и явления, которые характеризуют современную экономику. Решение этой задачи требует ревизии методологических основ исследования процессов хозяйствования. И начинать надо с уточнения объекта экономической науки.

Экономика в последние десятилетия претерпела небывалые изменения, которые радикальным образом изменили ее объект. Сегодня рыночный, административно-командный и иные способы организации экономической жизни правомерно рассматривать как

специфические уклады хозяйствования, сосуществующие наряду с другими их формами. В идеале в зависимости от того какая из форм хозяйствования на том или ином историческом этапе обеспечивала общество необходимыми для его существования материальными условиями, средствами, благами, та и преобладала. Экономика, как правило, была и остается многоукладной. При этом, например, рынок выступал одним из социальных инструментов, позволяющих более или менее успешно облегчать жизнь людей, - снижать трансакционные издержки.

Для современного экономически развитого общества (которая называют постиндустриальным, сверхиндустриальным, информационным, пострыночным, посткапиталистическим и т.д.) характерно: во-первых, изменением характера промышленного производства от массового изготовления до гибкого специализированного в ответ на технологические инновации; во-вторых, переходом роли локомотива развития экономики от промышленности к сектору услуг; в-третьих, в формировании принципиально новых глобальных финансов, которые выходят за рамки своей традиционной функциональной роли в экономической системе общества и существуют достаточно изолированно от процессов, происходящих в реальном секторе экономики. Иллюстрируя этот разрыв Ж. Бодриар в свое время писал: «Весьма любопытной чертой, связанной с крахом на Уолл-стрит в 1987 году, является неуверенность в том, имела ли на самом деле место настоящая катастрофа и ожидается ли таковая в будущем. Правильный ответ – нет, реальной катастрофы не будет, поскольку мы живем под знаком катастрофы виртуальной. В этом контексте красноречиво проявляется несоответствие между фиктивной экономикой и экономикой реальной. Именно этот диссонанс и защищает нас от реальной катастрофы производительной экономики» [2, с.40]. Далее он добавляет, что «деньги вращаются в недоступном пространстве, которое оставляет мир таким, какой он есть. В конечном итоге, экономика продолжает производить, в то время как малейшего логического следствия из колебаний фиктивной экономики было бы достаточно, чтобы ее уничтожить (не забудем, что сегодня объем товарооборота в 45 раз уступает объему перелива капитала)» [2, с.42]; в-четвертых, в возрастании роли общественно-функциональных инноваций. С расширением

применения общественно-функциональных технологий для принуждения акторов к желательному для Манипулятора поведению, посредством целенаправленной подачи информации в интернете и традиционных СМИ, значительно искажается восприятие субъектами своих потребностей и интересов. «Любая коммуникация (в информационном обществе – С.С.), - пишет по этому поводу Ж. Бодрийяр, - по сути есть лишь принудительный сценарий, непрерывная фикция, избавляющая нас от пустоты нашего умственного экрана, на котором мы с не меньшим вожделением ждем изображения» [2, с. 22] и, в-пятых, в значительном изменении роли и функций информации в хозяйственной жизни, в увеличении значения знаний для развития экономики. С другой стороны в современную эпоху информация, постоянно воспроизводящаяся и катастрофически разрастающаяся в интернете, приходит в свою противоположность. «Избыток знаний безразлично рассеивается по поверхности во всех направлениях, при этом происходит лишь замена одного слова другим» [2, с.21]. Ж. Бодрийяр подчеркивает, что «написано и распространено столько знаков и сообщений, что они никогда не будут прочитаны. К счастью для нас! Ибо даже с той малой частью, которую мы абсорбируем, с нами происходит нечно, подобно казни на электрическом стуле» [2, с.49]. В последнем случае речь идет по существу об использовании невероятно большого объема информационных сообщений не для получения или трансляции новых знаний, а как важного инструмента современных информационных войн. Причем последние сегодня ведутся не только между государствами и политическими партиями, но и между многочисленными классами и даже отдельными коммерческими организациями. Вместе с тем эта лавина интернет-информации слабо пересекается с теми знаниями, технологическими решениями в которых сегодня как никогда нуждаются реальный сектор экономики и сфера услуг.

Под воздействием принципиально новых явлений в хозяйственной деятельности экономическая система общества радикально изменилась, невероятно усложнившись. Как результат этого в современной экономической наукой зачастую характерен недоучет влияния внешних, в том числе и неэкономических, факторов, действие которых может радикальным образом влиять

(а в современном глобальном мире и влияет) на классическое протекание экономических циклов, зачастую быстро разрушая привычное течение хозяйственной жизни в обществе, изменяя объект экономической науки. В результате и у нас в стране и за рубежом продолжаются дискуссии об объекте, предмете, задачах и возможностях этой науки. Так, например, среди американских экономистов в последние годы становятся нередкими предложения вообще отказаться от использования математических моделей при исследовании национальной экономики. В свою очередь профессор Колумбийского университета М. Вудфорд справедливо отмечает, что ему «не кажется, что на пути к более надежным экономическим рассуждениям следует отказаться от привычки экономистов использовать модели» [3, с.14], но необходимо существенно повысить их качество, поскольку сегодня экономисты, как отмечает другой американец Д. Кей, слишком часто прибегают к некачественным моделям [4].

Действительно, если исходить из некоторых экономико-математических моделей (в данном случае имеются в виду те расчеты, в основе которых лежат излишне упрощенные, а иногда и преднамеренно ложные вводные [5, с.190-191]) или теоретических построений сторонников либерального направления экономической мысли, то можно сделать ложный вывод, что снятие барьеров в допуск на внутренний рынок зарубежных инвестиций всегда благо для экономики. На самом деле это умозаключение в корне неверно и вредно. Для любой национальной экономики может иметь катастрофические последствия моментальное проникновение в нее глобальных, спекулятивных в своей основе, финансов. Уже упомянутый Ж. Бодрияр много лет назад писал, что «деньги вращаются в недоступном пространстве, которое оставляет мир таким, какой он есть. В конечном итоге, экономика продолжает производить, в то время как малейшего логического следствия из колебаний фиктивной экономики было бы достаточно, чтобы ее уничтожить (не забудем, что сегодня объем товарооборота в 45 раз уступает объему перелива капитала).» [2, с.42] Далее он подчеркивает, что «надежда примирить фиктивную экономику с реальной утопична: эта свободно обращающиеся миллиарды долларов невозможно переместить в реальную экономику, что, впрочем, является большой удачей, ибо если бы каким-то чудом

они оказались вложены в производство, это стало бы настоящей катастрофой» [2, с.43].

Сегодня в нашей стране существуют и активно развиваются несколько научных экономических школ и направлений. Между ними ведется активная дискуссия, отражающая широкий спектр взглядов на те или иные экономические явления, на объект и предмет экономической теории и частных экономических наук. Белорусская наука усилиями этих ученых не только не выпала из мирового информационного пространства, но и вносит заметный вклад в мировую науку. В качестве примера успешной реализации нового синергетического подхода в мировой экономике при рассмотрении процессов, происходящих в СНГ, можно привести высказывания В. Н. Шимова и Я. С. Яскевич которые отмечают, что «Евразийский экономический союз можно рассматривать как своего рода альтернативу модели однополярного мира с ее установкой на мировое господство и гегемонию, «новый порядок веков», модель «мира по-американски». Культурно-исторические, социально-политические, экономические, этнорелигиозные отношения внутри страны являются важнейшими компонентами интеграционных процессов.» [6, с.9] Нелинейная динамика многих глобальных процессов экономического и политического характера, - справедливо подчеркивает В.Н. Шимов, - функционирование мировых рынков капиталов и энергоносителей, мировой банковской системы, товаров и услуг обуславливают необходимость более внимательного изучения сценариев развития геополитических интеграционных процессов и рисков. При этом необходима рациональная оценка национальной экономики, построение долговременной экономической стратегии страны с учетом трендов мировой хозяйственной системы. [7, с.7-16; 8, с.9]

Естественно, что взгляды белорусских исследователей на современную экономическую науку, ее предмет и инструменты различны. Это проистекает как из того к какому научному направлению принадлежит тот или иной ученый, так и из его личного житейского опыта, мировоззрения и целей, которые он преследует. Разнообразие теоретических взглядов и используемой методологии в целом полезно для любой науки. Не является исключением и экономическая наука. Но эта польза сохраняется

лишь до тех пор, пока мы имеем дело с добросовестным и грамотным специалистом. Дж. Кейнс в свое время сказал: «Если мне докажут, что моя точка зрения не верна, я ее поменяю». По существу это императив поведения настоящего ученого. Нельзя быть правым во всем и всегда, но не всегда удается без посторонней помощи разобраться в своих просчетах и ошибках. В этом плане нет ничего более полезного для добросовестного исследователя, чем замечания его грамотных критиков. Исходя из этой точки, следует приветствовать науковедческие исследования, которые всегда выступали, и будут выступать базой соотнесения различных научных школ и направлений. Конечно же, если эти исследования осуществлены на основе соблюдения общенаучных методов и в целях служения истине, а не личным амбициям. Но не будем забегать вперед.

В свое время Р. Фейнман в своей речи, произнесённой в Калифорнийском технологическом институте заметил, что как самолётотопоклонники (сторонники культа карго – С.С.) воссоздают облик аэродрома, вплоть до наушников с «антеннами» из бамбуковых палочек, но самолёты при этом не садятся, так и некоторые учёные часто проводят исследования, имеющие все внешние атрибуты настоящей науки, но в действительности составляющие псевдонауку, не достойную ни поддержки, ни уважения. [1] Рассмотрим это на примере статьи кандидата экономических наук П.Н. Пекутько «Экономическая наука Беларуси: тематическая направленность и функциональная специализация», опубликованной в Вестнике БГЭУ №1 в 2015 году. Уже когда читаешь название этого околонучного экзерсиса возникает вопрос, а может ли термин «функциональная специализация» быть использован при рассмотрении научной специализации? Если исходить из того, что специализация в науке - это исторически определенная качественная дифференциация научной деятельности, обусловленная ее функциями, то становится очевидным, что нет – это научная тавтология.

Прежде чем перейти к анализу текста статьи П.Н. Пекутько необходимо пояснить какие этапы должно пройти фундаментальное экономическое исследование, а ведь именно на такое «комплексное фундаментальное исследование» претендует названная статья. Дабы не изобретать велосипед используем уже существующие

методологические подходы, сформированные в рамках деятельностного подхода в экономической теории, прежде всего под влиянием выдающегося белорусского экономиста Н.В. Герасимова, рано ушедшего из жизни:

1 этап. На котором вырабатывается предварительное представление об исходных центральных понятиях экономического исследования. Иначе говоря, как в прочем и в любой другой науке, в экономике необходимо дать определения исходных понятий. Можно сначала использовать рабочие определения, а затем при завершении исследования эти понятия могут быть уточнены или даже изменены, но это не избавляет исследователя, последовательно опирающегося в своей работе на принцип системности, от необходимости при научном описании того или иного экономического феномена, как минимум, представлять объект исследования;

2 этап. На этом этапе следует сконцентрировать внимание на выявлении и раскрытии причин, условий, предпосылок, порождающих исследуемый экономический феномен, его историческую обусловленность, генезис и тенденции движения;

3 этап. На этой стадии следует выяснить потребности и интересы, которые вызывают необходимость существования и реализуются (удовлетворяются) посредством исследуемого экономического феномена или субъекта.

4 этап. Раскрываются функциональные цели исследуемого феномена, а также материальные и социальные условия реализации целей и осуществления соответствующей деятельности социально-институциональных субъектов, показываются формы и способы реализации целей социальных субъектов;

5 этап. На нем должны быть выработаны идеальные модели и нормы, регулирующие функционирование социально-субъектных отношений, а также показывается взаимодействие субъектных структур с блоками экономических отношений, проводится мониторинг этого процесса;

6 этап. Вырабатывается комплекс предложений по совершенствованию функционирования рассматриваемого экономического феномена и субъектных структур его персонифицирующих.

Таким образом, автор научной статьи по экономике должен, прежде всего, дать определение тому явлению, которое он описывает. Для чего проводится комплексное исследование существующих точек зрения, показываются их преимущества и недостатки, из чего становится ясно, почему потребовалась уточнить используемые категории, либо их по новому определить. Можно взять и чье-либо готовое определение, но и в этом случае аргументировано доказать почему оно является истинным. Белорусские ученые П.С. Лемещенко и И.А. Лаврухина справедливо напоминают по этому поводу, что «если обратиться к истории экономического анализа, то традиционными окажутся дискуссии не по самому фактическому материалу, а по способу его добычи, аргументации и тестировании». [9, с. 35]

Чтобы не выбрал автор, категорическим требованием современной общенаучной методологии является дословное приведение используемых литературных источников, что подтверждается закавычиванием цитат. Ничего этого в статье П.Н. Пекутько нет. Когда читаешь его работу на ум сразу приходит афоризм Ежи Леца: «Он был настолько невежественен, что цитаты из классиков выдумывал сам». Остановимся на последнем подробнее. В начале статьи П.Н. Пекутько пишет: «Рассматривая белорусскую экономическую науку через призму субъектного состава, предметной исследовательской направленности или используемой методологии (выделено нами – С.С.), на наш взгляд, можно вести речь о существовании в ней различных экономических школ» [10, с.15]. Не будем останавливаться на том, что предметная исследовательская направленность – это часть используемой методологии, поскольку если судить по статье, то этот автор вообще имеет слабое представление о том, что такое научная методология, а отметим, что на следующей странице им дается его определение научной школы, «применительно к белорусской экономической науке» [10, с.15], под которой понимается «исследовательская организация, обладающая достаточно многочисленным (не менее пятидесяти сотрудников) устойчивым научным коллективом, разрабатывающая собственную исследовательскую программу и сформировавшая стабильную систему внутреннего воспроизводства научного потенциала и передачи знаний» [10, с.16]. У думающего читателя естественно возникают вопросы:

Почему выбрано именно это определение? Почему, по мнению П.Н. Пекутько, белорусская экономическая наука настолько специфична, что необходимо определять ее научные школы не так как в других странах? Но ответы на них отсутствуют. А было бы интересно услышать объяснение, почему если применить подход П.Н. Пекутько к определению экономических школ, то оказывается, что в XIX веке не было марксистской экономической школы; не было школы А. Смита и Д. Риккардо; не было ордолиберальной школы, поскольку ее основоположник В. Ойкен был редактором ежегодника «Ordo», объединявшим видных немецких экономистов, работавших в разных организациях.

Надо отметить, что П.Н. Пекутько в своей статье вскользь отмечает, что избранный им «в работе подход к определению белорусских научных экономических школ не является единственно возможным» [10, с.15], при этом он ссылается на свою же работу в соавторстве с А.В. Марковым [11]. Напомним, что последний автор известен своими идеями о переносе научных исследований за рубеж. «Весьма перспективным для страны, по нашему мнению, - пишет А.В. Марков, - может стать экспорт (перенос) научных исследований в экономические регионы мира, являющиеся наиболее продвинутыми в научном обеспечении (обосновании), направлений инновационного развития, относящихся к числу национальных научно-технических приоритетов». Очевидно, что реализация такого подхода, идущего вразрез с глобальными цивилизационными тенденциями, на практике неизбежно приведет к исчезновению в Республике Беларусь многих научных традиций, сокращению экспортного потенциала белорусской науки, а в перспективе к вытеснению к нам из других стран низкоинтеллектуального труда [12, с.52 -63]. Как говорится: комментарии излишни.

Напрашивается вывод, что возможно при определении объекта своего исследования П.Н. Пекутько руководствовался следующей логикой: «А не рассмотреть ли мне категорию «научная экономическая школа» как синоним термина «исследовательская организация. Почему? Да не почему – просто мне так захотелось». У этого автора нет критериев выделения подходов, нет научного сопоставления существующих взглядов на понятие «научная школа», нет их анализа с выделением, почему и в какой части это

понятие нуждается в корректировке и почему. Предложенное П.Н. Пекутько отождествление противоречит и ряду государственных документов, т.е. существующей практике хозяйствования. Так, например, в Программе развития промышленного комплекса на 2011-2015 годы указывается, что «средства, выделяемые на научное обслуживание, должны быть сосредоточены на перспективных направлениях разработки новой продукции и технологий ее производства. В 2011 – 2015 годах будет осуществляться финансирование НИОКР в тех видах промышленной деятельности, где уже существуют технологические заделы, научные школы и коллективы. Как видно из приведенного примера государственные управленцы, в отличие от П.Н. Пекутько, различают научные школы и коллективы.

Внимательно прочитав статью П.Н. Пекутько можно обнаружить и другие противоречия. На наш взгляд, логика поведения этого автора, если судить по его публикации, очень схожа с мотивацией приверженцев культа карго, в основе которого – желание что-то получить без серьезных усилий. Своей «научной» статьей он словно иллюстрирует идею Р. Фейнмана о «самолетопоклонниках» в науке.

Нам не представляется целесообразным далее подробно рассматривать всю статью П.Н. Пекутько, поскольку она вся построена на неумении или нежелании учитывать труды предшественников и соблюдать общенаучные принципы. А написано нашими учеными интересных фундаментальных работ по белорусским научным школам на сегодняшний день немало – это и целая плеяда ученых из БГЭУ, это и профессор П.С. Лемещенко и другие.

Разнообразие теоретических взглядов и используемой методологии в целом полезно для любой науки. Не является исключением и экономическая наука. Внимательно прочитав статью П.Н. Пекутько можно обнаружить и другие противоречия. На наш взгляд, логика поведения этого автора, если судить по его публикации, очень схожа с мотивацией приверженцев культа карго, в основе которого – желание что-то получить без серьезных усилий. Своей «научной» статьей он словно иллюстрирует идею Р. Фейнмана о «самолетопоклонниках» в науке.

Дж. Кейнс в свое время сказал: «Если мне докажут, что моя точка зрения не верна, я ее поменяю». По существу, это императив

поведения настоящего ученого. Нельзя быть правым во всем и всегда, как не всегда удастся без посторонней помощи разобраться в своих просчетах и ошибках. В этом плане нет ничего более полезного для добросовестного исследователя, чем замечания компетентных критиков. Исходя из этой точки зрения, следует приветствовать науковедческие исследования, которые всегда выступали, и будут выступать базой соотнесения различных научных школ и направлений. Конечно же, если эти исследования осуществлены на основе соблюдения общенаучных методов и в целях служения истине, а не личным амбициям.

Преодоление кризиса экономической мысли и самой экономики, как справедливо отмечают белорусские экономисты П.С. Лемещенко и И.А. Лаврухина, – поставило перед экономической наукой три группы задач: парадигмальное обновление; выбор типа хозяйственного порядка и модели экономики, к которой мы хотим прийти; разработка конкретных форм хозяйственной деятельности, соответствующих выбранному типу хозяйственного порядка [9, с.34].

Определенный прогресс в решении этих задач существует. Но, как констатируют вышеупомянутые авторы, – «это не предотвратило снижения общетеоретического уровня национальной экономической науки. И проявилось в предметно-методологической неопределенности, нарушении алгоритма исследования, размытости выводов, а также в преобладающем использовании интуитивно-описательного метода» [9, с.35].

Добавим, что снижение общетеоретического уровня национальной экономической науки всегда опасно, поскольку не только повышает риски принятия неправильных решений в практике хозяйствования на национальном и отраслевом уровнях, но и перестает выполнять важнейшую идеологическую функцию фундаментальной экономической науки (политической экономии). По моему глубокому убеждению, без выработки позитивной экономической идеологии, которая неразрывно связана с пониманием места Беларуси в мировой экономике, преимуществ нашей модели развития и социального характера хозяйственной деятельности, невозможно будет успешно противостоять информационным атакам извне, которые по мере распространения и совершенствования информационного оружия будут только

усиливаться. Сегодня можно с уверенностью сказать: хочешь жить в мире и достатке – готовься к информационной войне.

Следует подчеркнуть, что гносеологический кризис в отечественной экономической науке по времени совпал с глобальным изменением объекта экономической науки и расширение пострыночного хозяйственного уклада в экономически развитых странах. На смену классической рыночной экономике, где предприниматель ориентировался на увеличение прибыли, быстро пришла экономика, где вместо этого показателя, определяющим становится капитализация активов (роста цены акций и других ценных бумаг), в результате ускоряется рост фиктивной экономики и про исходит ее отрыв от экономики реальной. В свою очередь капитализация активов во многом начинает зависеть от мнения различных рейтинговых агентств и экспертов, и уже нельзя понять, что первично в этой безудержной гонке: сама предшествующая капитализация (когда непрофессиональные участники рынка формируют спрос на ценные бумаги для самих себя), рейтинги и экспертные мнения, или же все-таки реальная экономика? Как результат, перед белорусской наукой встает задача ответить на новые вызовы, когда мы еще не успели определиться с тем, как отвечать на все старые. Архисложная задача. Но, на наш взгляд, выполнимая. Но для этого надо, чтобы в экономической науке стало недопустимым не соблюдение базовых общенаучных и политэкономических принципов.

Почему мы можем с оптимизмом смотреть на будущее белорусской науки? Потому что у нас уже сегодня существует значительные научный задел, продолжают функционировать и развивать многие научные школы и направления, появляются и набирают силу новые школы. В качестве примера, могу привести известную в Беларуси и за ее пределами научную школу субъектно-цивилизационного подхода к исследованию экономических феноменов. Сегодня ее представители объединены не столько организационными рамками, и не только конкретной тематикой, но и общей системой взглядов, идей и традиций, сохраняющейся, передающейся и развивающейся в течение нескольких научных поколений. Основателем школы считается Г.Т. Ковалевский, который в 50-60-е годы XX века провел фундаментальный анализ сущности стоимости и ренты. Работы этого ученого и разработки

его учеников (Э.А. Лутохина, П.Г. Лютко и др.) послужили методологической основой становления в 80-е годы XX века под руководством Н.В. Герасимова научного направления, рассматривающего субъектов, их стремления, потребности, способности в качестве главной движущей силы экономического развития. Последнее позволило преодолеть рамки вульгарного экономизма при исследовании реальных социально-экономических процессов, и ввести в качестве сфер экономической системы, наряду с материальным производством духовное производство, производство человека и производство социально-необходимого поведения субъектов. Была предложена конструктивно иная социальная парадигма экономики, опередившая свое время. До 90-х годов прошлого века школа развивалась преимущественно на базе Института экономики НАН Беларуси. Общность научных интересов современных представителей школы субъектно-системного подхода достигается широтой постановки исследуемых проблем при традиционном методологическом единстве, их актуальностью и соответствием мировым тенденциям развития экономической науки. Представителями этой школы являются А.П. Морова, С.Ю. Солодовников, Л.П. Васюченко, А.Л. Подгайский, О.А. Наумович, Т.В. Кузьмицкая и многие другие.

Одним из важных дополнительных резервов, направлений развития белорусской экономической науки, сегодня может стать:

- проведение совместных научных исследований и разработок;
- инжиниринг;
- приобретение патентов, лицензий и приглашение зарубежных экспертов;
- персональный контакт белорусских ученых с зарубежными разработчиками на международных научных и научно-практических конференциях, семинарах, выставках, ярмарках, в интернете. Отметим, что при поддержке участия белорусских ученых в международных конференциях, необходимо применять дифференцированный подход, основанный на объективных и прозрачных критериях. Например, если у исследователя (за исключением молодежи до 30 лет) за последние три года менее 5 статей в рецензируемых научных журналах и одной монографии, то не следует тратить деньги на выезд его на зарубежные

симпозиумы. При этом все статьи в обязательном порядке должны проверяться через систему анти-плагиат.

Чтобы задействованные дополнительные резервы для поддержки развития белорусской экономической науки были экономически эффективны, необходимо также ввести регулярную (раз в 3 года) аттестацию экспертов с выдачей соответствующего сертификата.

Литература

1. Карго-культ [Электронный ресурс]. – 2003.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2014. – 260 с.
3. Вудфорд М. Что не так с экономическими моделями (Ответ Джону Кэю) // Вопросы экономики. – 2012. - № 5.
4. Woodford V/ What's Wrong With Economic Models? A Response to John Kay // ineteconomics. org / blog / inet/ michael- woodford-response-john-kay. 2011.
5. Перкинс Джон. Исповедь экономического убийцы. Предисловие, научная редакция д.э.н., проф. Л. Л. Фитуни. – М.: Претекст, 2007.
6. Яскевич Я. С. Национальные интересы согласие и толерантность: Пространство Евразийской интеграции // Вестник Белорусского государственного экономического университета. Научно-практический журнал, 2015. - №1.
7. Шимов, В. Н. Экономика Беларуси: современное состояние и вектор перспективного развития / В. Н. Шимов // Социология. — 2014. — № 3.
8. Яскевич Я. С. Национальные интересы согласие и толерантность: Пространство Евразийской интеграции // Вестник Белорусского государственного экономического университета. Научно-практический журнал, 2015. - №1.
9. П. С. Лемещенко, И. А. Лаврухина Экономическая наука Беларуси: путь к самоидентификации // Вестник Ивановского государственного университета // Серия «Экономика», Вып. 1(19), 2013.
10. П. Н. Пекутько Экономическая наука Беларуси: тематическая направленность и функциональная специализация // Вестник БГЭУ.- 2015. - №1.

11. А. В. Марков, П. Н. Пекутько. Институт экономики Национальной академии наук // Отделение гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси. – Минск: Белорусская наука, 2011.

12. С. Ю. Солодовников. Экономический романтизм или есть ли в Беларуси экономические убийцы // Беларуская думка. – 2012. - № 9. - С. 52 -63.

Ваццiло А. А. Проблемы развития транспортно-логистических услуг в странах Евразийского экономического союза

Существуют факторы, негативно влияющие на развитие транспортно-логистических услуг в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Основные из них: недостаточные пропускные способности магистральных путей, слабое развитие дорожной инфраструктуры, изношенность подвижного состава, низкая эффективность обработки грузов.

Можно выделить следующие основные проблемы развития транспортно-логистических услуг в странах Евразийского экономического союза: недостаток инвестиций в развитие транспортно-логистической инфраструктуры, что является причиной малого количества складских помещений класса А и В, нехватки скоростных автомагистралей, дорог с усовершенствованным покрытием, неразвитости придорожного сервиса и т.д.; не сформированность рынка 3PL-услуг; отсутствие системного интегратора уровня 4PL; незначительный объем передачи логистических функций предприятий на аутсорсинг; недостаточно высокая квалификация персонала; несовершенство таможенного и иного контроля на границах; слабый уровень нормативно-правового регулирования логистической отрасли; отсутствие статистического учета показателей развития логистики на национальном уровне; недостаточное развитие информационных технологий в сфере транспорта и логистики; слабая интегрированность национальных логистических систем в общеевразийскую и европейскую.

Для повышения эффективности оказания транспортно-логистических услуг в странах Евразийского экономического союза